

С МЫСЛЮ О ВЕЧНОМ МИРЕ

12 февраля исполнилось 200 лет со дня смерти, а 22 апреля мы отметим 280 лет со дня рождения основоположника немецкой классической философии Иммануила Канта. Поэтому текущий год может по праву считаться годом Канта, когда к наследию гениального мыслителя проявляется повышенное внимание мировой общественности.

Иммануил Кант (1724–1804) меньше всего известен как социально-политический философ. Между тем цель, которую он ставил перед собой, на протяжении многих веков привлекает пристальное внимание. Кенигсбергский мыслитель сделал попытку указать пути и средства ликвидации войн и установления вечного мира на земле. Уже в XVIII веке, когда жил И. Кант, было известно, что человечество большую часть своей истории отвело войнам, уносящим нередко сотни тысяч жизней, разрушающим невосполнимые культурные ценности. Однако все рекомендации, направленные на установление вечного мира, ограничивались в основном моральным осуждением войн и лишь пополняли ряды сентиментальных утопий. Кант исходил из иных посылок. Он искренне и глубоко верил в справедливость, к которой, как он полагал, ведет неукоснительное соблюдение великого морального закона, названного им категорическим императивом: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант И. Соч.: В 6-ти т. Т.4. Ч.1. М., 1965. С.260). Максима есть всеобщее жизненное правило человека, его личный принцип воли. Моральный закон – это безусловный повелевающий долг, требования, которые общество предъявляет к человеку. Нравственный член общества принимает моральный закон в свою максиму и соотнобразует с ним мотивы своего поведения. Его жизненным принципом становится «я хочу, потому что я должен».

Кантовская этика долга своими корнями уходит в учения библейских пророков и восточных мудрецов, сведенные впоследствии под рубрику «Золотое правило нравственности». И сколько бы ни упрекали Канта в утопизме, формализме, антиисторизме и прочих смертных грехах, более продуманной, логически последовательной нравственной доктрины мир пока не знает. Более того, в ее свете выглядит реальной великая политическая задача – установление вечного и нерушимого мира между народами и государствами. Кант неоднократно затрагивает эту проблему, ей, в частности, посвящен философский очерк, который так и называется – «К вечному миру».

* * *

Установление вечного мира Кант связывал с ответом на великий вопрос – «что такое человек?». Не принимая тезиса Д.Локка, согласно которому сознание человека изначально есть «чистая доска», на которой общество рисует свои узоры, он вместе с тем стремится преодолеть односторонность суждений типа «человек по природе добр» или «человек по природе зол». Поскольку никакой опыт, говорит Кант, не может здесь быть судом в последней инстанции, напрашивается вопрос: «не возможно ли по крайней мере что-то среднее, а именно, что человек как член

рода своего ни добр, ни зол, или во всяком случае может быть и тем и другим, т.е. отчасти добрым, а отчасти злым?» (Кант И. Соч. Т.4. Ч.2. С.21). И если бы дело касалось отдельных людей, ответ мог быть дан на основе эмпирических обобщений и был бы весьма тривиальным: один человек представляется окружающим добрым, другой злым. Но речь идет о человеке как о таковом, о существеннейшей характеристике человечества в целом, и здесь опыт становится плохим советчиком. Добро и зло – понятия нравственные, не допускающие «никакой моральной се-

редине ни в поступках, ни в человеческих характерах...» (Там же. С.23). Человека делает добрым то, что его выбор мотива того или иного поступка продиктован требованием долга, или моральным законом. В противном случае его максима принимает противоположный мотив, отклоняющийся от морального закона, и человек расценивается как морально злой*. Этика Канта, не принимающая в отношении к моральному закону никаких полутеней, пусть не покажется излишне суровой. Ее справедливость достаточно очевидна: долг каждого из нас – оказать посильную помощь человеку, который в ней крайне нуждается, и нарушением морального закона будет не только попытка усугубить его положение, но и проявить «нейтральность», то есть безразличие.

Естественно, что требования этической доктрины заставили Канта критически отнестись к прекраснотворческим идеалам Ж.-Ж.Руссо (которого, кстати, Кант высоко ценил и почитал), верившего в то, что человек по природе добр, и мечтавшего вернуть его «назад к природе». Вместе с тем он не мог безоговорочно принять знаменитую формулу Т.Гоббса «человек человеку волк» (сам Гоббс, между прочим, заимствовал ее у древнеримского комедиографа Плавта): если бы человек был природным злодеем, то есть находился во власти природной необходимости, он не мог быть морально ответственным, а независимый от морального закона субъект есть «дьявольское существо». Кант находит у человека задатки доброго, которые не только не противоречат, но и содействуют исполнению морального закона. Это задатки животности (стремление к самосохранению, продолжению рода и общению), задатки человечности («сравнительное себялюбие», порождающее желание добиться превосходства над другими людьми) и особенно задатки личности – способность проявлять уважение к моральному закону, выступающее самостоятельным мотивом свободного волеизъявления. Однако в реальной действительности все может принять субъективно обус-

ловленную, случайную форму, когда не максима соотнобразится с моральным законом, а сам закон становится одним из вариантов свободного выбора. Рядом с ним могут функционировать другие мотивы (например, коренящиеся в чувственности субъективные принципы себялюбия), принимаемые человеком в свою максиму как самостоятельные, то есть противостоящие моральному закону. Так возникает изначальное, естественное предрасположение к злу, которое, однако, может быть вменено человеку в вину. В качестве примера Кант приводит образ жизни индейских племен Америки, Новой Зеландии и др., для которого характерен культ храбрости, состоящей в бесцельных убийствах и разрушениях. Не намного лучше обстоит дело в цивилизованных обществах, где отношения между людьми пропитаны фальшью и взаимной ненавистью, а хорошим считается человек, в котором злое не выходит за *привычные* рамки. Но его порочные склонности проявляются в случаях, «когда цивилизованные народы находятся в отношении грубого естественного состояния (состояния непрерывной войны) и упорно придерживаются намерения никогда не выходить из этого состояния...» (Там же. С.36).

Однако, несмотря на изначальную порочность человека, Кант не считает господствующее в мире зло фатальным и неустранимым. Как бы ни был плох человек, он остается разумным существом и не может отречься от морального закона. Наоборот, в силу присущих человеку задатков доброго моральный закон действует на него неотразимо, определяя мотивы его действий. Но дело портят чувственные побуждения и все те склонности, которые на них основаны. Проблемы не было бы, если бы они подчинялись моральному закону. Но если они принимаются в максимум и начинают доминировать в процессе свободного волеизъявления, моральный закон отесняется в сторону, и человек становится морально злым. Следовательно, полагает Кант, различие между тем, добрый человек или злой, состоит не в

* В своей этике Кант исходил из того, что человек есть существо разумное, то есть способный разумно действовать и оценивать свои действия. В связи с этим моральный закон – это принцип действия всех разумных людей; он отвлекается от частных интересов – индивидуальных обстоятельств, склонностей и интересов отдельного человека и т.п. То, что остается за их вычетом, является общим и обязательным для всех разумно действующих людей. Этот «остаток» имеет *принудительную силу* универсального морального закона, подобно тому, как теорема, доказывающая, что сумма углов треугольника равна 180° , «работает» независимо от величины его сторон и углов. Только в отличие от теоремы нравственный закон устанавливается людьми и становится условием их свободного волеизъявления. Поэтому, чтобы человек знал, как ему поступить в том или ином конкретном случае, он должен каждый раз представить свою максиму в качестве всеобщего закона.

различии между мотивами, которые он принимает в свою максиму, а в их субординации: даже наилучший человек зол только потому, что переворачивает нравственный порядок мотивов своей максимы. Поскольку предрасположение к подобным перестановкам кроется в природе человека, можно говорить, что он по природе зол.

Очевидно, что реализация идеи вечно-го мира зависит от того, в какой мере получают развитие задатки доброго в человеке, то есть будут ли его максимы всецело и безраздельно определяться моральным законом. Кант понимал, сколь велики трудности, стоящие на пути к этой цели. Однако если возможен переход от доброго к злему, то почему не предположить движения в обратном направлении? Кант был уверен, что если человек осознает то, что он *должен*, то тогда он и *сможет*. Но восхождение к доброму нельзя начинать с себялюбия как принципа всех наших максим. Моральный закон не только не должен быть связан с другими мотивами, тем более подчиняться каким-либо склонностям, «но и должен быть в своей полной чистоте принят в максимы как сам по себе *достаточный* мотив определения произвола. Первоначально доброе есть *святость максим* в исполнении своего долга, благодаря чему человек, принимающий эту чистоту в свою максиму, ...встает на путь к тому, чтобы приблизиться к ней в бесконечном движении вперед» (Там же. С.50).

Человек – единственное существо, способное осознать моральный закон как величайшую духовную ценность и сделать его исходным и единственным принципом всех своих поступков. Оттого и сам он есть высшая ценность и не может быть средством в достижении каких бы то ни было целей. Теоретически здесь многое проработано и не вызывает возражений. Трудности начинаются с практических шагов по созданию социальной системы, в которой господствовал бы культ человека как высшей ценности и самоцели. И одна из самых великих и знаменательных вех на этом пути – установление вечного мира, мира без войн и кровопролитий.

* * *

Следуя традициям своего времени, Кант воспринял идею Т.Гоббса о естественном состоянии человека как «войны всех против всех». Это значит, что состояние мира сначала должно быть *установ-*

лено. Поэтому свою программную работу «К вечному миру» Кант построил в виде проекта международного договора, который должен быть заключен между государствами. Первый раздел содержит предварительные статьи, устраняющие саму возможность возобновления военных действий:

1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны.

2. Ни одно самостоятельное государство не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара.

3. Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть.

4. Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических сил.

5. Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств.

6. Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т.д.

Кант жил в эпоху, когда в Европе одна война сменяла другую, а через четыре года после выхода в свет очерка «К вечному миру» начались наполеоновские войны. Тем не менее он наметил фактически исчерпывающий комплекс «отрицательных условий», призванных погасить военные конфликты. В философии советского времени Кант нередко подвергался всевозможным академическим нападкам. Его упрекали в «буржуазной ограниченности», непонимании классовой сущности виновника всех войн – государственной власти, в том, что у него слишком велик разрыв между моральным законом и его реальным осуществлением и т.п. Подобные упреки во многом надуманны. Кант четко различает понятия мира, как конца всякой вражды, и перемирия, имеющего временный характер. Договаривающиеся стороны должны внятно заявить, чего они хотят: ликвидировать все предпосылки будущей войны или втайне друг от друга оставить на будущее старые претензии, использовав подходящий повод для продолжения военных действий. В последнем

случае, говорит Кант, это будет не мирный договор, а «иезуитская казуистика, недостойная правителя» (Кант И. Соч. Т.6. М., 1966. С.260). Можно отнести к такому условию всего лишь как к благому пожеланию, но нельзя не признать, что его отсутствие снимает вопрос о мире. Или взять условие, запрещающее государствам вмешиваться во внутренние дела других государств. Можно ли считать его утопией, если в наше время оно стало нормой международного права? Видимо, в силу своей безнравственности всякое насильственное вмешательство во внутренние дела других государств чаще всего дает обратный результат. Об этом свидетельствуют примеры Советского Союза, вторгавшегося в страны Европы и в Афганистан, США, развязавших когда-то войну во Вьетнаме, а сейчас под надуманным предлогом оккупировавших Ирак и др. Выполнение этих условий есть не что иное как действие категорического императива на межгосударственном уровне: максима отдельного государства становится законом международных отношений.

Во времена Канта наверняка казалось утопичным требование ликвидации армий. Но Кант не случайно делает оговорку «со временем». Никто не может сказать, когда наступит это время, но всем ясно, что военное противостояние – это пороховой погреб, способный взорваться от случайной искры. А если противоборствующие армии обладают современным оружием, то под угрозой ставится существование уже не отдельных армий, а целых государств, если не всего человечества. Не случайно вторая половина XX века прошла под знаком сокращения и даже уничтожения наиболее разрушительных и опасных для жизни средств массового поражения. Эта проблема и поныне остается одной из важнейших во внешней политике многих государств. Но Кант видит здесь и другую сторону дела: имеющие армии, а тем более постоянно воюющие государства влезают в долги и оказываются рано или поздно перед угрозой банкротства. Обанкротившийся милитарист стремится поправить свои дела за счет других государств и начинает замышлять новые войны. Таким образом, пока существуют постоянные армии, войны необходимы, а пока существуют войны, необходимы постоянные армии.

В пояснении нуждается статья, запрещающая куплю, дарение и т.п. государств. Кант выступает против существовавшей еще в XVIII в. феодальной практики объе-

динения государств посредством брачных союзов, дарения графств или княжеств (вспомним, как пушкинский царь Дадон предлагал за золотого петушка «хоть коня с конюшни царской, хоть полцарства моего»). Государство населяют люди, судьбой которых никто, кроме них самих, распорядиться не вправе. В наше время эта статья как будто бы потеряла свою актуальность. Однако на нашей памяти события полувекковой давности, когда волевым решением советских самодуров от политики (которые к тому же при случае могли вмешаться и в дела других государств) у Российской Федерации были отняты ее исконные земли – Целинный край и Крымская область и переданы в «дар» Казахстану и Украине. Представим себе состояние жителей Крыма, которые помимо своей воли вдруг оказались не в России, а в составе другой союзной республики – Украины, имевшей ко всему прочему конституционное право выхода из состава Союза. И мы в который раз убеждаемся, что подобные авантюры оборачиваются людям страданиями и бедствиями.

Пусть не покажется наивной и попытка запретить воюющим сторонам использовать друг против друга такие средства, которые подрывают взаимное доверие. На самом деле Кант руководствуется требованием морального закона: прибегая к таким «гнусным дьявольским приемам», как шпионаж или засылка убиц, правитель провоцирует аналогичные ответные действия враждебной стороны. А вооруженное противостояние, подпитываемое взаимным недоверием, приведет либо к гибели воюющих сторон, либо к порабощению одного народа другим. Но даже если удастся заключить мирное соглашение, дьявольские приемы «переходят и в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его цель» (Там же. С.264).

С устранением причин, препятствующих установлению вечного мира, могут быть приняты «окончательные» статьи договора. **Первая** такая статья гласит: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским». Республика, как известно, есть форма правления, при которой высшая государственная власть принадлежит представительному органу, выбранному на определенный срок народом. Главный принцип республиканизма – отделение законодательной власти от исполнительной (правительственной) и судебной. Из форм правления для Канта предпочтительнее та, при которой представителей законодательной

власти было бы по возможности больше, а исполнительной – по возможности меньше. Такой формой правления Кант считал конституционную монархию. В наше время этот факт не имеет преобладающего значения, хотя сохранение монархии во многих странах Европы, тем более реставрации ее в Испании – явление весьма показательное. Для Канта же было важно то, что в республике вопрос «быть или не быть войне?» решается с согласия граждан, которые обязательно все обдумают и взвесят, поскольку в случае войны все тяготы им придется брать на себя. А в принятии окончательного решения основную роль призван сыграть монарх, выражающий не волю большинства и даже не волю всех (такая воля может привести к ошибочному решению), а *общую волю*, совместимую в своем содержании с моральным законом.

Вторая окончательная статья договора утверждает: «Международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств». К этой идее Кант приходит в соответствии с логикой, по которой государства, образованные людьми на основе их общественного договора, между собой вступают в отношения, представляющие как бы продолжение их естественного состояния, предполагающего «войну всех против всех». Но если у отдельных людей хватило ума объединиться в государство, защищающее их права и не дающее им уничтожать друг друга, то аналогичный шаг со стороны отдельных государств напрашивается сам собой. В идеале было бы, конечно, создание государства народов – мировой республики. Может, когда-нибудь и появится могучий и просвещенный народ, организованный в республику, способную стать центром мировой федерации. Образовав соответствующие республике ветви власти, такая федерация могла бы все споры между народами улаживать мирным путем. Но пока, к сожалению, наиболее «эффективный» способ, каким государства решают спорные вопросы, – это война. Война же, говорит Кант, и ее счастливый исход – победа – демонстрируют не силу права, а право силы. Соответственно и мирный договор «кладет конец данной войне, но не военному состоянию... Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать *союзом мира* и который отличался бы от *мирного договора* тем, что последний стремится положить конец лишь *одной* войне, тогда как пер-

вый – *всем войнам*, и навсегда» (Там же. С.273, 274).

Кант и здесь смотрит далеко вперед. Его союз народов – не что иное как прообраз международных организаций XX века, создававшихся в целях сохранения мира: сначала это была Лига Наций, а с 1946 г. – Организация Объединенных Наций. Остается только сожалеть, что Лига Наций, став орудием англо-французской колониальной политики, так и не выполнила своего предназначения, а деятельность ООН время от времени дает сбой и оказывается малоэффективной. Кант предвидел возможные здесь деформации и специально подчеркивал, что свободный федерализм жестко связан с понятием международного права, а последнее предполагает способность государств отречься «от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовывать таким путем...*государство народов*, которое в конце концов охватит все народы земли» (Там же. С.275). Разумеется, далеко не все государства хотят этого. Но в тех случаях, когда они находят способы разумно распорядиться своей «дикой» свободой, идея мировой республики становится не столь уж иллюзорной. На эту мысль наводит пример Европы, страны которой объединяются в расширяющийся союз с единым парламентом, судом и единой валютой, Международный суд в Гааге и т.п.

Наконец, в **третьей** и последней статье договора утверждается, что «право *всемирного гражданства* должно быть ограничено условиями всеобщего *гостеприимства*». Это означает, с одной стороны, «право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом» (Там же. С.276). С другой стороны, и чужестранец должен уважать законы и порядки страны, в которой он в данный момент находится. На суждения Канта оказала влияние набиравшая обороты колонизаторская деятельность европейских стран, в ходе которой местные жители «не ставились ни во что». Но в наше время значение проблемы расширилось. Право на пребывание в чужой стране нередко используется для разведывательной деятельности (чем не гнушаются многие дипломатические службы) и даже для террористических акций.

Если и говорить об утопических элементах кантовского проекта, то их, пожалуй, можно поискать там, где говорится о

гарантиях вечного мира. Но и здесь не так просто провести границу между иллюзиями и реальностью. Кант полагал, что при всей порочности человеческой природы, со всей неприкрытостью, проявляющейся в «свободных», то есть бесконтрольных, отношениях как между отдельными людьми, так и целыми народами, гарантию вечного мира дает природа, в которой «обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли» (Там же. С.279). Это есть независимое от политики *естественное стремление*. Войной природа разбросала людей по всем уголкам земли, но она же *принуждает* их вступать в отношения, основанные на праве, хотя бы они этого или нет. Здесь, правда, дают о себе знать эгоистические склонности людей, но именно основанное на праве государственное устройство в состоянии направить их таким образом, чтобы они сдерживали или устраняли разрушительные возможности друг друга. В этих условиях человек не обязательно должен быть морально добрым, достаточно, если он будет хорошим гражданином. Например, корыстные интересы трансформируются в дух торговли, несовместимый с войной. Все это не имеет отношения к моральному закону: просто «самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) *предсказать* время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас *добиваться* этой (не столь уж призрачной) цели» (Там же. С.288).

Но одного естественного стремления мало. Деятельность государства не имеет ориентиров (или имеет ложные), если отвлекается от повелевающих законов, с которыми она должна соотноситься. Кант рассматривает право как форму нравственных отношений и вместе с тем как политическое средство, предполагающее внешнее принуждение. Но если человек следует долгу, то есть тому, что требует общество, то никакого противоречия между моралью и политикой быть не может. В политической деятельности должен действовать принцип «честность – лучшая политика». Но на практике он сплошь и рядом нарушается. Причина в том, что руководство государством часто попадает в руки не моральных политиков, а политических моралистов, приспособляющих мораль посредством различных уло-

вок к интересам правителя (в речи на III съезде комсомола В.И. Ленин так и заявил: «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата»). Чтобы совместить свои действия с моралью, Кант советует политикам начинать с морального закона, то есть с формального принципа, олицетворяющего добро. Тогда моральное зло, имеющее к тому же тенденцию к саморазрушению, будет надежно заблокировано. На пути к этой цели неocenимую роль призвана сыграть гласность, делающая моральную политику публично известной. Очевидно, что максимы, нарушающие права людей, несовместимы с публичностью, да и вряд ли какой политик рискнет оглашать их. Наоборот, максимы, нуждающиеся в публичности, соответствуют общим целям человечества и согласуются как с моралью, так и с политикой. Это относится и к внутригосударственным отношениям, и к международным. В этих условиях люди начнут постепенно осознавать, что вечный мир «есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и ...становится все ближе к осуществлению» (Там же. С.309).

* * *

Богатство мыслей, высказанных Кантом в его проекте вечного мира, поистине неисчерпаемо и ждет специального исследования. Мы же отметим главное обстоятельство: вопреки довольно распространенным представлениям, пока человеческая история в основном развивается по Канту. Время стирает с великого мыслителя несурзные ярлыки типа «идеалист», «агностик», а то и ... «реакционер». Мы видим, что социально-политическое учение Канта, прежде всего его идея вечного мира, имеет мало общего с подобными оценками. Многие из того, что он наметил в своем очерке, воплотилось в реальной действительности. А если что-то и не воплотилось, то скорее не потому, что не осуществимо в принципе: просто для него еще не наступило время. Дело за будущим. Но мы уже являемся свидетелями того, как тщедушный в виду кенигсбергский профессор постепенно превращается в фигуру всемирно-исторического масштаба и значения. Большое, как известно, видится на расстоянии.

В.Д.Евстратов,
доктор философских наук,
профессор КГТУ им. А.Н.Туполева